

(Из будущей книги «Зеркальная проза Славы Сумалётова», состоящей из частей, где автор, как герой, уже убежал и зеркало его разбилось, т.ч. никакого продолжения подобного плетения словес не предвидится, но как вариант жизни имеет право на прочтение. – Автор имярек)

НОТЫ ЧЁРНОЙ СКОРБИ ИЗ ДОМА ЖЁЛТЫХ МУХ

Скажите или растолкуйте неграмотному самое слово: отвлечённость, поймёт ли он, в чём дело? а между прочим это понятие ничуть не туманнее понятия о репе.

Фет

Объяснительная отписка

Сия смутная проза (буквально выражаясь: нижеглядущая для вас) надиктовалась мне в психиатрическом вестибюле аналогичной лечебницы находившимся там в умозаключении экс-гражданином Воплеуховым-Безумолковым Д.А., в магнитофончик. Не приведи бог никому.

Ответчик: Слава Сумалётов

Пунктик первый

проза жизни в поэзии смерти

Когда говорят газеты, музы мычат.

Аристократ Демократович Эволюционер

Слова, слова, слова... – пустая тара времени: прокрустово русло: “лжизнь”. Лишь Слово противопоставлю смело вам. Я вам не Гамлет!!!

Пусть опустился снова и стою один, как пень, я на полянке мира (точней: как витязь на распутстве трёх координат). Пустите меня, люди, погулять! (Ни-за-что.) Так, да?

Тогда я в раж писательский войду: вступлю в нежданный бой с назревшей головой! сразившись с миражом её. И сразу пожалею о покое.

Не то, чтоб разумом моим я дорожил; не то, чтоб с ним расстаться был не рад: когда б оставили меня на воле... Но я не Дон Кихот.

Выходим на круги своя. Глядь, какое-то лицо, подвернувшееся к общему делу с горьким укором. Застигнутый врасплох на месте поступленья, план упал: рац-бред-предложение:

Подлежащее непредсказу-ё-моё: антисемизеры, бойтесь! Дополнение: себя. Определение: подлинно подлые. Мораль: вам мат! Обстоятельство: шахматные фигурки нам запрещены тут, людьми. А я – невымерший реликт! Рыночная неприкаянность. Незванный сон; из будущих. Кошмар!

О, я нудно терпел! И вот теперь потерпел полное спокойствие, опустив волосы. (Корень “пусть” уже был. Нехорошо. Почему? Недопустимо... тьфу!) В меня вчера калечащий грач смотрел (тупо, правда, как в зеркало). Но, заглядывая, стучал дятлом. И, прощупывая, измерял длину непостижной ему моей бессмысли. Всё в округе валил со здоровых ног на лысую голову, медик. Я же записи в прозе съел! (Понарошку.) А рвач-то и не понял. (Как всегда!) Но я адаптировался. (Ничего, логично!) И снится рая приёмный покой...

Но люди, жалея, сужают эгоцентрические круги надо мной. Дают жрать седуксен. Сажают и вяжут: на, жри, говорят, пока не встанешь. Машут руками, гримасничают, как обезьянки. А пустое множество лишних движений и есть основной признак сумасшествия! Ничего им уже не докажешь: психологи. Только в математике всё доказывается! Кроме аксиом. С которых она начинается.

Друг мой, умалишённый всего насущного, не унывай никогда – сядешь. Так и есть. Ну что ж, съел. Сделал вид, что заснул. И заснул. И зеркало снится к смерти.

Пунктик второй

полёт над пропастью, где я иду

Стих – это крик тишины.

Феникс Нетуманкин

Ад. Психологика. Адаптироваться. Достали, каналы, чтоб вы лопнули!

Так я проснулся и всех надул. Я с ним развязался как раз! Я его, суррогадатранквилизатора, собрав в кулак, взял; раскрыв наедине, пересчитал всего, удивился и заштопал в матрас. (Тсс... Ха-ха-ха!!!) У меня имеется маленькая, тоненькая, остренькая тайна с одним ушком, ворованная во вторник, спрятанная и нелегальная. Так и живём. Нормально получилось. И шов тоже. Наркотик мне приелся и надоел! Не меньше – чем потолковый мел и бестолковый распорядок злобы дня, заведённой здесь до предела. Хочу летать по-настоящему... Не мешай, когда пишется! Да! Но! В злобе дней есть добро снов.

И вот я выхожу из себя по шву! (Хм. Шов – уже был. Исправлюсь. Пусть лежит, пока не заметили. Опять – пусть? Проклятый корешок!) Так я выхожу из себя в прямой эфир космической пасти! (Специально жуть нагоняю.) Выхожу, значит, я на гвоздях смотровой доски по хладному настилу (“пол” слишком неоднозначное слово: числительное с намёками). И иду, перелезая через край пропасти, раскинувшей свои чёрные объятия между человеком и другим человеком, словно между поэзией и прозой. (Призрачно всё.) Так и идём! переполняясь бешенством и изящной словесностью. Любуйтесь! (Если понравится.)

Слушайте, спящие души! как по тяжёлым больничным ночам незримые сновидения догоняют ходячее тело. Знайте и ждите! Оно – созревает. Впрочем, тело, как убеждение, явление смертное – будьте с ним вежливы и снисходительны. Не будите меня, не будите до срока! А теперь к делу.

Для созерцания достаточно души, для дела необходимо тело. Стало быть – надо есть. То есть – публика нам нужна здесь. Человеческое ничто мне не чуждо!¹ Мне просто душно в подавляющем большинстве. Публичный лик: бублик. Со всеми втекающими в него причинами:

Хронические похороны и циничные цены жизни. Непрошибаемая серьёзность идиота и серая научность диагноза. Что трудно мёртвым – то радостно живым. И – наоборот. За это одни ненавидят вторых. А те тоже брезгают. И не хотят, поэтому не могут. Или – не могут, поэтому не хотят? Вот дилемма!

Главное, чтобы человек был счастлив. Поэтому можно оправдать всё. Даже дурдом. Человек – пуп! Надорвался – и вот она, грыжа. Вот оно... (Эх, воля-матушка... Что, страшно?)

А теперь опять к делу! Которое отличается от слова, как прожитые годы – от жизни. Искусство – школа творчества! Жизнь – школа любви... (Стоп. Увлёкся. Надо ругнуться.²) Антисемущники! (Чего?) Вешайтесь на шнурках. (Какая лаконичная грубость!) Пока они у вас есть. (Нельзя ли потише!!!)

Как же! Допрыгался по холодным инстанциям, доброволец указующий? Доигрался в смешки? А что делать, если мыслей во мне накопилось так много, что им тесно? Их надо выпустить на волю: выпустил – и забыл, выпустил – и забыл... (Эх, воля!.. Ври больше.)

---

¹ Извините. Автор имярек.

² А то не слышно. Тот же.

Нельзя ли повежливее? Можно, можно! Только – зачем? Там, где двоятся слова, люди не слышат себя (в иных устах и слово “любовь” отвратительно): так называемая проза: замедленная дыба быта: антихудожественный бес-порядок: случайность – останки хаоса: детская болезнь рационализма в познании: палата “минус один” трижды хуже палаты “плюс шесть”. (Простая арифметика.)

Да! Рыба молчит!!! А персонал рявкает. А я по коридору хожу.¹ Но в руках я держу за спиною свой смех. Поскольку и постольку: всё здесь взвешено и положено, преднамеренно и похоже, как циркуль пальца в лоб. И в глаз! Смотри теперь в оба. Видал? Гляди, заиндевело.² И зеркалом стало окно. Но то и другое – оно. (И нет в нём тебя...)

Века закрываются. Решётка из прутьев железных на страже элементарных квадратиков. Тайна лица закопана в землю. И смотрится небо в плиту из бетона. А как хочется с больной головой прыгнуть в очи горящие: окунуться в очаг живой... (Люблю растормаживаться в языковом поле: игра на безумных скоростях познания!) Хочу – домой. Хожу – по настоящему.

Одиночество больничного окна в ночи.

До новых встреч на краю! – пропасти покоя и скалы движения. Там – где души летят голышом, как живые снежинки на свет.

Пунктик третий

монолог

Человек рождён для счастья, как птица для полёта:
рождённый ползать летать не может.

Эрик Игуманский

Обкорнали на самом краю. Какая человечность! Только хотелось им всё объяснить... И я сократился, вздремнув. Но сейчас развернусь! Вздохну во всю свою грусть...

Этот ближний сосед мой, по камере душехранения, перманентно мешает меня и мстит нестабильным лицом. Он, разумеется, тоже с душой: кровельщик, разогнувший скобу сосуществования. Но я не врач. Я отнюдь-ка. Все мы где-то народ. Мысль интересная, новая и сложная. Соседу не вместить её по частям. И я молчу с ним заодно. Но и он вряд ли не спит задарма. Он давно сюда сам пришёл, математик. Меня принесли недавно. Остальные – тут же: выжить хотят на пожаре души.

Вот он мне и говорит без комментариев:

Внимание-внимание! Я, и.о. (пэрэсэтэ!) ближнего.

БУДЬ СКАЗАНО – ВНЕМЛИ. (Тебе интересно ибо.)

Подумаешь на постоянном досуге и упрёшься в умозаключение. И уж не выйдешь оттуда досрочно за хорошее поведение в рамках диагноза... О чём бишь я?³ Да! Антисемизники-то твои – обыденные виши! на тёплом теле объединенного заграницей тыла. Они ли страшны для текущей души? В пику им есть и было другое полчище страшных рогаток: прямо рядом тут, ёлки-палки, торчит из ума!

Пошли примеры (я их нумерую гуськом, для их же порядочности).

Внимание-внимание! Диктуюсь по шпалам:

1. Самая закадычная из рогатин: мой воздушный характер и дегтярный мёд окружающего вероломства.

2. Пустота зияет – полнота сияет.

3. Скалолазанье цен и падение ценностей.

¹ Иногда разрешается! Тот же там же: здесь и так далее.

² Отопительный сезон начался.

³ О вшах.

4. Жёны и мужья. (Ну, воля... Ну, погоди!)
5. Культя личности и культурные фильтры для санитаров и президентов.
6. Забытая ностальгия вечности и забытая современностью память.
7. Желчный сатирик и жвачный сатир.
8. Блуждающий рационализатор (увидишь, не убей его) и фривольная сочувственность (гадость такая).
9. Тупые наркозы, игорные резонансы, верёвки, шпильки и, вообще, спорт.
10. Свобода писем, грусти, спичек, эха, криков о помощи и питья глюкозы (люблю сладкое, которого нет).
11. Упорнография упрямолинейности и зависть ненасытная.
12. А не ждёт ли нас где-то, там – в конце своего затерявшегося маршрута (где-то там, за точкой зрения) – простой, как стих, троллейбус?¹ Видишь? там – сквозь решето окна, за углом дома напротив, опостылевшего зрению моих зелёных озёр (одной пары на весь срок годности)... или не видишь?
13. Конечно, всё может быть в жизни, но так не бывает.
(Конец всякой нумерации!)

С подавляющим вкусом раскланялся и, отбеседовав нам положенное, закемарить собрался: я, и.о. (пэрэсэт!) народа. Спасибо. Можно сесть.²

Он мог бы это сказать, я как чувствовал! не правда ли? И я с ним согласован, конечно. Но, что так естественно, начинаю перечить напрополую:

Вши, мол! Ага? А ты, давай, математик, дави их в спешке, но они распускают (опять этот въедливый корешок? вырву!) неумеренные причастные обороты. А с суффиксами, приёмный брат штатной сестры, не шути! Был уже один деятель тут: ляпнул, несчастный, чуть-чуть не подумавши, что любая религия есть труположество. И – стал во главе таковой со своим мавзолеем. Нельзя так шутить. Язык не уран: рванут корни – духа не соберёшь! Убьёшь слово – кончится даже начало. Наступит на горло... Но и горла не будет в природе порядка вещей, которых не будет тоже, разрешённых кем следует. Такая безысходность зашевелится! Что, пожалуйста, не надо. А выпадем из строя за клеточки окна когда... когда?!³ Вот тогда и веди за собой на аванс и оклад, который перерыв с часу до двух. (Это всё – извините меня!!!)⁴

Но ты, человек посторонний, не отчаивайся в уме: отсюда отчалим – и путь наш пологий, и это хорошо! Если бы было плохо, то было бы хуже. Называется: логика. По справедливому закону которой мы и оказались за решёткой мира.

Но! Как после бессонной ночи под утро из меня хлещет юмор, как вырывается в ругани пар недосказанной жизни, я выйду из ржавого образа мысли! Выйду во двор и спрошу: что же ты сник, истопник?⁵

И дальше пойду, и пропустят вахтёры меня, невольники разума. До встречи в вечности, господа. До Суда.

А там!.. Там, за углом... (Оптимистика!!!) По двое ходят и улыбаются; суют мне листовку. Я читаю по-крупному: **МЫ СДЕЛАЕМ ВАС СВОБОДНЫМИ И СЧАСТЛИВЫМИ!**

Пошёл дальше. Остался несчастным. (Зато человеком.) Со своим заросшим колючками маршрутом исследования...

И это был мой приблизительный ответ. Я реагирую адекватно. Но – по касательной. За что и держат. Умиления милая лень чужда им, ответственным лицам на общих

¹ Но только без рутинной ругани гремучих андеграундов!

² А кто вставал?

³ Когда-нибудь.

⁴ Зритель ему судья.

⁵ Отопительный сезон начался!

местах. Сумасшедшую сложность простоты глуповатой не вместить этим гордым умам. О, если бы мог я не есть! я бы вам показал такие бирюльки! о-о-о!..

Да-а... Сегодняшняя сестра нашего брата строга, но мелочна. Тоже... лицо. Женское, ответственное... (Не реагирует.) Человек женский неподсуден человеку разумному! (Сатиричная женщина – смертельная доза для нежного мозга.) Придётся ждать обеда: раньше не продраться.

Техника жаждущей жизни такова: зависть – зависимость – трудотерапия – смерть. И снова, как говорится: аптека, жратва, хотеть в духоте... какофон нервных лиц, объектив, улыбочку, субъективчик на память... страховка, верлибры, врачи, жадные жала шприцов и плотные ночи, окурки бессонниц¹... горячая сера, кошмарные вены, разумное зло... до срока заколотый дедушка, страх не успеть... хитрость подачек (несколько штук)... добрыня гордая... повис шевелящийся прах!!!

Всё же сосед мой хороший: чутко-слезливый, как лук; задумчиво-бодрый, как врач. Вполне порядочный дух.² (Да что там!!! Орать, так в голос.) Реалисты тутошние имеют какие-то характеры и темпераменты – и лечат двуполые наши мозги. Язык сломаешь! Нельзя же так. Он и без того без костей! Жрать хочу – лоб трещит.

Пунктик четвёртый

нормальная тьма

Не говори прямо в лоб: отскочит.

Превозмозгаев Трудный

Ну что, антисемитчики? Пародия на карикатуру.

Я же, напротив, псих апатичный: мне лень ненависть туда-сюда перегонять. Чую, что не к добру взялся за вас подвернувшейся под ручку темой. И пошлó, и пошлó!.. Люблю. (Проза, суть твою!)

А огрызаться станете, метать колья мне в спину... Да нам, филологам местного значения, не привыкать копошиться на дне! К тому же – мухи. И безвоздушная тугомутина философских систем. Вот если б засесть между двух настенных зеркал, лоб-в-лоб, то можно, сдержав тошноту, лицезреть теорию прогресса. Не садись никогда между двух путеводных углов!

Впрочем, я уже сижу. И крики кромешные мне тут до лампочки, дуры! что, круглая, сутками напролёт просвещает коридорную ограниченность (шахматного покрытия) – для пущей отчётливости контуров нас, двуногих. А лампочка-то сидит на ровной стене! опять же ассоциируясь с жёлтыми мухами. Которые – с мыслями. Что, в свою очередь, жужжа, заглушают муки совести (у кого они есть). Кафель бел и бит был.

Искусственный свет раздражает, когда приспичит думать о сне. Капля отражает мир, кроме себя самой. Искусство здесь непринято – могут добить. Но меня не так-то легко, как кажется на первый взгляд исподлобья. (Особенно – если не из-под чего.) Природа нас не подвела! И свобода цвела стихами во тьме. Не садись никогда между двух царств, технократ!

Впрочем, ты уже... Что, трудно на мне развязать рукава и интеллект согнуть в рог изобилия?! Мастер богат, но краток, как Плюшкин. И кругозор его кроток, потому что широк. Ответственность велика. Жизнь коротка. И круг её замкнут с конца. Змей мудр, но гадок. Пол гладок и чист по утрам. Но воздух неволи жесток. И я невинен, что я одинок! (Мандельштам.)

А вы, антисемечки, ярковылитые болванки. Но вы ли новы? Каламбур, как всегда, как язва рассудка – язык и его вольные жесты. Да кто бы их понял! На мой проклятый

---

¹ Здесь плакать нельзя.

² Соседи нам нужны.

риторический вопрос, жёсткий как общий вагон, найдётся ли льготный рецепт? О, я вполне недоволен собою среди вас! Я так соскучился по ночным разговорам и крепкому чаю. (Не говоря о кофе.) Плевать. Забыть! Если тебя считают умным – сейчас, то могут потом... забить глухими научными пробками. Жалко его, человека, которому служу пациентом для докторской диссертации.

А вы всё печётесь на противне разоблачений с несмываемым голосом. Кажете из-под масок лиц не менее липкую правду и раздираемую чистоту крови, как блин. (Слова-то какие жирные! устанешь их писать.) Да какие-то массы противные. Грустно мне, козлы. Я мыслю!.. Значит, я существую. А хотелось бы жить.

Зачем? Почему-у-у? (Это ты мною спрашиваешься, большое пространство моего помещения.) Почему для умственно-отсталых создают специальные школы, а сердечно-отсталых не лечат?! И даже – наоборот!? Молчишь, пустота? О!.. вкусах, вообще, не спорю уже. Станции метро “Пушкинская” и “Достоевская” меня убеждают в том, что следующая – “Иисусовская”. (Прости, Господи. Это дурдом.)

Маслица такусенький кусочек: пятнышко на булочке. (Разве так лучше?) Обсудив с санитарями положение процесса, вывод тут и обрящем. Парами в карцер. И поделом: не при напролом с картонным добром! А кто пёр?¹ Децибелы заспанные! Шлёпанцы ни шагу назад! Бунта фурункулы, назревшие по неопрятности! Стирать надо чаще бельё! И носки. Если есть. У меня давно украли. Сей нюанс затянулся! и стал действовать на мои кропотливые руки недостойным литературы образом. Что и принудило меня...

Что я и сделал. Пожалуйста, подпольная память-инкогнито (ещё одна моя безответная тайна: тайны преследуются у нас по законам психологии), не наворачивай больше таких же толстозадых фраз. (Паразиты!!!) Отдыха, отдыха мне! как человеку. Давно пора. Смутиль какая! (Крадучись.)

Итак, пора. Антисемутчики! вас, выскочки из прямых углов, пупки элементарности, светлячки одномерного хаоса, остудить здесь (вместо нас), а?.. Но... для всех винтиков хватит ли мест?

Посему!

Люди, братья, отпустите меня погулять. Я так хочу пройтись по местам, где ещё осталась архитектура. Пойти туда, сюда... Я вымираю от нынешнего зодчества, подражающего Аду. Я пухну без изящных излишеств! Я задыхаюсь в перпендикулярах! Люди, братья... Отпустите меня, грешного. Мне жутко жить тут по минутам и схемам. Братья, люди...

Мечта! Целуй свой дамский локоть. Розовая дура.

Ах, этот закат, облака... Где у вас форма, где содержание? “Водяной пар” – содержание.² Нет, так дальше продолжаться не будет! Иду братья я (из столовой, вестимо) два помойных ведра и лопату: я возвращаю ваш автопортрет – нюхайте и краснейте... Ага! Пробрало?

Не дают. Мал, говорят. Зеркалом тычут в морду. Да-а. Человек – это игра: свобода ва-банк. Ангел с клыками. На крыльях – гири удовольствий. Приёмный покой и петля своеволия.

О дайте, дайте мне парочку антисемизавров запечатлеть на века! Стыд вам, критики в жидких перчатках! Позор вам, голубые лубки с голыми коленками во льне! Таков, канцтоварищи, реализм кастрированной прозы: мы – здесь, животные – в зоопарке, а судьи кто, те бесятся на воле.

Таким образом: пересчитав в уме оставшиеся результаты труда, я всё понял на две четверти. Ну, около того. Ориентировочно! В уме трудно сказать точно. (Счётчик сломан.) Люблю закругляться с выходом в речь!

---

¹ Кто пёр? кто пёр? сам и ищи теперь!

² Ха-ха-ха!!!

До новых, как говорят нам здесь на дорожку, встреч неизбежных. А мы – не за горами. Мы – рядом. (Как солнышко.) Живите! если хотите. Или – можете? (Развязка близится.) С нашей вам прозрачностью!

Пунктик пятый
взошедшее прошедшее

Поэтом можешь ты не быть,
но ты стихи читать обязан!
Чтоб человеком для начала стать.
Ущерб-Самоед Редкий¹

О слепое неверие!

Зато по телевизору вчера один наш врач, похожий профилем на архимедов рычаг, всё рычал (между прочим, весьма профессионально!), что жизни в биосфере осталось на 25 лет, если так продолжать, как есть. Доживи сначала. Не дай бог, конечно.

Этот мой ближний сосед по умозаключению не даёт мне покоя морально!

***

ПРИЛОЖЕНИЕ БЛИЖНЕГО²

Нет, ну надо ж такое написать! А он вполне мог... И, скорее всего, стал бы строчить сразу в прозе. Ну, и разошёлся бы, как пить дать! (Спасибо.) Я видел, как это бывает с людьми. Каждый так и норвит стать писателем! А в наше, извините, время писатель – это абсурд. Любуйтесь здесь на него!

Я

...А ещё математик! При “объективном” состою в долгу. А ОНО, сквозь атомы и числа, добралось до языка! Где доверчивые люди-слова претерпевают изменения к быстрому и удобному. Так и сошёл я!.. ступенчато, к морфологии.

В нашем доме, говорю, один член, не выделяясь на собственном фоне, жил, потом вскоре помер, состарившись. (Меня не поймут, наверное; то есть уже не поняли.) Все мы не гении, все помрём под действием Дарвина, в борьбе за пожирание усредняясь, чтобы пугать пошляков. Что делать, надо.

А это всего лишь, образно выражаясь без мата, закомплексованный обед был: с вещественной частью и мнимой. А ты думал?.. Жизнь? Ха-ха-ха! жизнь! Ну, уморил! Совсем. Без остатка... Ой, мама, как страшно я пошутил.

Скоро тополиный пух...

Проголодался – дошёл. Назвался. Предложил хорошо устроиться. По совместительству. Достойного с минимумом полезного. Приняли с гордостью!

Пишу под местным одеялом. После гостеприимной палаты “минус один”. (Дураков надо учить, но не так сильно.) Ручку взял у соседа – за полкомпота (подпольный писатель, псих).

Я, бывший математик, протестую против сбора окурков! А что делать? Надо.

Я, бывший семьянин, отрицаю своё воровство хлеба в столовой. (Это мой рот сожрал.)

...и закалыванье меня, как бедное домашнее животное.

Внимание-внимание! (Лучше встать.) С вами говорит и.о. (пэрэсэтэ!) назадника! (Болезнь обратного роста.) БУДЬ СКАЗАНО – ВНЕМЛИ. (Тебе неинтересно?)

¹ Прости дурака.

² Собственноручной ручкой списано с мнимого зеркальца в моём полном присутствии, что и готов показать на лице при любом коллоквиуме в уме (у меня не).

Пока мы камень жизни под рукой искали, я был одним из нас. А мы здесь, не щадя меня, доступный рай нагромождали. Вы ж жрали и глумились! а зря. Напрасно, словно летний скот, вы жировали на духу. Признайтесь, овцы капитала, скучно? Но время отдавать долги настало. И нам – чтобы к утру и сколько скажем! А не будет дани – крышка вашей маме ляжет боком в суп! Ни мухи, ни уколы маму не спасут. Мы все уже – как есть, сложив боеголовки в кучу во дворе. Вы поняли, надеюсь, бледный юмор мой в пижаме не по росту? Терять нам нечего! кроме своих грехов. А вам, как перезрелым динозаврам: или-или...

Эй вы, лишённые путей! Что ломитесь? Да, занято. Да, занято! Я тут пишу! Идите, потерпите! Настырные какие. Накличете беду. Придут вязатели узлов! Ну так и есть. Зайти нельзя. Как жаль, что даже двери нет при мне...

До свиданья на той тьме.

Обошлось... Но трижды лопнет пусть наш трюм бездверный, с тюлем пред решёткой яви заоконной. О нервный проволочный мрак! Больничный серо-ватный мир!.. Что делать? Мы идём. Уже сошли. Но не загубятся таблетками вовек! едкие, правдивые кошмары!!! Ну нет так нет.

Спасибо за внимание-внимание. Можно войти. И сесть. (Если не брезгаете.)

Попробуй тут усни. Всё снег да снег. Кругом... ни-ни.¹

Ну, извини... Глядя в упор на соседа-писателя, видимо сдебютировал неудачно.

А во-вторых, очкарик наш совсем чокнулся: всё присматривается... Выдержит дистанцию, как ты думаешь?

Пунктик шестой

бурный крах прочной прозы
в стройном море поэзии:
штиль созерцания осколков и бликов

Поэтом всё равно не будешь,
но соблюдать закон ты должен.
Читай прессу, не отходя от ящика!
Разуммер Зудовольникофф

Не даёте жить, дайте хоть работать! Никакой невозможности не осталось: всё простреливается. О еде лучше не думать: её нужно есть. Первач глуп и очкаст. Заглянул, мигнул и убежал, самодовольный и кандидат. Белый авторитет! Ум!

А он тоже, вероятно, пишет... Вы не поверите, все они, психологи, пишут! Я даже знаю, что: стопроцентно предполагаю. Но ты отгородился от меня своей гнусавой должностью (некогда, ребята, сердцем не стареть!)...

Вот они, эти пресловутые долгожданные записки. (Читайте, если не знаете, что делать.)

Ваш горе-пациент.

***

Я НЕ ДУРАК *записки психолога*

Во всякой профессии есть эти скользкие пунктики.
Доктор Гольдберг
(*русскоязычного писателя, Куприна А.И.*)

---

¹ А никто и не вставал!!!

Грядущий план круглого года

круг бесконечней, чем прямая, потому что наглядней

Да, лечу! Имею право! Диплом. Опыт. Практика. Дипломат. Чемодан. Лом. Каламбур. Жёсткость! Жёсткость! И вредность. И ещё раз, то же самое.

Птицы летят, а люди глядят. А психи живут. Ненавижу каламбуры.

Местожительство. Прописка. Лимит. Глобус. Чёрный квадрат. Соседи. Токарь. Алкаш! Наш клиент. Всегда неправ. А я вот бросил курить вчера!

Или сегодня?

Ну, теперь перейдём. Дело, дело, господа, прежде всего! Дело и собственность. Ваше личное дело на моём рабочем столе. Хватит демагогией заниматься! Так оно рациональнее будет.

*Начальник схемы
Тунылин-Моноликин А.Д.
(Издержки конспирации!)*

Время круглого года первое

с момента отсчёта, по часовой стрелке

Осень. Женщин нет. Сколько лет, сколько зим! А вывод один. Пойду погуляю. Как говорится: выйду!

Вперёд. Назад. Вперёд! Стоп. Упёрся. Обошёл. По всей форме: с начала до конца. Вернулся. Доистребил остатки. Зевнул и вздремнул. Скука вылезла. Деревянно уселась на стул. Вяжет чулки из нервов. Не замечаю. Терплю. Сплю. Гремит спицами. Купил ещё. Телефону говорю: как-дела-нормально-здоров-а-это-главное! Кусаю одеяло. Терплю. Пью. Лучше не бывает.

Еду на службу с чувством долгого транса. Одичали, разбрелись по пустоши души опавшие мечты, как эти листья. Тупея, учишься незамечанью. Эх, скука-чудище... Главное, души-то нет.

Еду обратно. Все силы день-урод испепелил в научных спорах.

Купил. Сижу. Жду. Чем началась ты – тем и кончишься. Я вру, когда цветы дарю.

Утром перечеёл. Как только получу квартиру – уволюсь, к чёрту! Что я – дурак, в самом деле? Хорошо, что с вечера заначил пиво.

*Мечта общего пользования
(Шучу так... естественно.)*

Уговорил-таки Бытовика Витальку! (Медвежья услуга друга детства.) Устроил к нам в роли экстрасенса. Но он такой родной, щепетильный, внимательный. Авось не скучно будет нам вдвоём! У него есть новые методы и разные средства. Посмотрим-посмотрим, побеседуем, посоветуемся, полюбуемся через годик. Приходите, присаживайтесь, располагайтесь. Ведь положение обязывает. Люблю его! Он человек ищущий.

Время года второе, холодное

Кончилась осень. Из выхлопных труб капает мира жир, грязный, как снег. Скоро все мы здесь заглохнем! Диссертация застопорилась тоже, сволочь.

Пришла. А я проспал!.. И выводы враждебные пошли кружить над головой её. Стихия милая... но думать-то зачем так много? Нагородила пятиэтажные кубизмы доммыслов и подозрений. И я остался гордо у окна – глядеть в провалы прошлого.

Одна лишь память, смерти плеть почуя, неслась галопом наперерез всем торжествующим заботам! Так в море скачет волнорез. А снег валялся и чернел. И тросик сна будильником порвался... Город шизофреников, молчишь?!

Мой аккуратный разум по коридору шлюхой шлялся и нагло лез с рецептом к Васе, чудачу хромому! Не Вася он, а Ваня, может быть. (Я знаю.)

И не чудак, но математик Коля он. (Я помню! Просто проверяю иногда себя.)

В мерцаниях ночного попустительства хлебали бром они вдвоём. Пусть пьют, больные всё же люди. А я не стану. Нет, никогда! Мечта-коробочка, моя отдельная, как сбудется – уволюсь.

У Коли шторм... Колу́, колу́, колу́ его, калеку! Чтоб вас в противогаз! и в омут правды с головою: раз, раз, раз!..

*Бесплатный исцелитель
Дрында-Дурокол*

Люблю Бытовика. Вот человек! при деле. Не то что я... в лимите.

Третье, того же года

Неслипающиеся макароны быстрого реагирования? (Загадка рекламная в метро.)
Ответ: извилины, где собака зарыта. Обсуждение: какая ещё собака?! Да голова! (?) Да. Ибо мозговая кость самая сладкая. Попробовал. Понравилось? Тсс! типы кругом: уличат – начнут объяснять: сведут на нуль весь кайф. (Ненавижу!!! каламбуры.)

Чертей давлю в постели. Ох, разболтались нервы! Но я в чертей не верю. Чёрт знает что! Они неизлечимы.

Пришла весна – промок скафандр. Круговорот вина в народе – поминки царские природе.

И вновь цветы я ей дарю и ананасовы скрипучие обрезки с угрюмой щедростью жую. Шампанское хлещу уж из горла – и хлещет пена изо рта. Вот разыгралась, стихия! От скуки – в погремушки надувных страстей.

Рококо – расписные гробы.

А утром я гребу по шахматному морю коридора – и слышу в спину хищный шёпот главврача с Бытовиком. Я им живьём не дамся...

Наверх! Разбить усталости борта! и штопать ветром паруса! и хлопать веки об глаза! Не то, коллеги, кровавая колбаса вам вскоре перестанет сниться!

Эй, ты!.. А ты – не я?.. Нет, он не я... Ребята!!! пошутил.

Проклятая апатья: целых полчаса не можем утопиться.

Буря мглою небо кроет.
Матом бурю – моряки.
Протрезвев от перепуга,
перешли на кулаки.
Перевернуто каноэ –
и всплывают мертвяки:
то по двое, то по трое...
Понимают все друг друга!

Купил. Дошёл. Так жутко, что хоть к токарю иди...

*Способный гений
(уволюсь – открююсь)*

Боюсь Бытовика. (Надо бросать пить на работе.)

Четвёртое. Круг заткнулся. Чего и следовало ждать. Я их предупредил! Стихопаты!!!

Мой разум самых вечных правил,
когда не в шутку занемог...
Что-то не то... Забыл!
Что-то подобное у Бальмонта было. Мило.

Год прошёл стороной. Как все они, сходят... Ничего не сделал. Только работал весь год. Диссертация поганка! Развёлся. Женился. Опять развёлся почти. Ничего

интересного. Окна врут и молчат. Смотришься в них по ночам, после помоечного дождика в рыбо-молочный четверг: ску-ку-ки-ши. Газетвы.

А вот и лето! со свинцовым зонтиком. Ненавижу синоптиков! И на доньшке мухи ползают, как дураки. А мне закон прописан! Квадратное дно в девять метров. Круглый год – сутки напролёт – токарь пьёт. Ты наш клиент. А он возьмёт как даст во всю мне морду! бескорыстно... Я сын судьбы и пасынок фортуны. Но это моя тайна. Уволюсь – откроюсь. Это легко. Нет явного, в котором не было бы тайны. Надо только приглядеться непредвзято, как проснувшийся марсианин. И дух засквозит из затёртых вещей! Мои психи в чём-то правы, присматриваясь и обдумывая спинки кроватей, ложки и соседей по зрению. Нет, пусть явное остаётся явным! Так спокойнее.

Как бы не раскусил меня Бытовик. Он в последнее время ходит и улыбается, быстро сужая круги...

Лето кончилось – а боль осталась. Прошла грядущая пора.

Но далеко не ходи без судьбы. И не режь мне правду в глаза без наркоза!

*Врач народа
Автомозг-Псих Е.Я.
(устал малость... накрываюсь!)*

Пунктик седьмой

головокружение бумажных сумалётиков:
лирические выси и сатирические хляби

Не важно о чём писать, важно – чем.

Сашандрей Чёрнобелкин

Да уведёт меня кривая чёрных дум из дома жёлтых мух! Когда же лезешь по шаткой пожарной лестнице, лучше смотреть вверх...

Кстати, продолжим наши занятия! А почему вдруг – кстати? Потому что – к месту. А места бывают, как стихи, разные. Есть смысл – а есть “здравый смысл”: всё, поправился. Как Дон Кихот. Перед смертью.

А вы, антисемизеры, сидите там, в зоопарке своём, и гремите лбом об железные прутья. Водил бы и я детей на вас. Рассказывал бы сказки. (Умею и люблю.) Детки бы подросли, что нормально. Простили б нам быль и выпустили всех! И стало бы мне хорошо.

А пока – либо-либо: прокурор Прокруст и адвокат Алкоголь. Слово и дело. (Встать!!!) Огонь и суд. Агония рассудка... (Кого несут?) И хрен с ним. (Едкий корешок! съедобный.) Не оберётесь побед! (И ваша жизнь – тавтология.)

Убедил? Правильно! Никого ни в чём убедить нельзя. Я помню, ещё на гражданке подобные пробы приводили лицо утром в ванную... Как холодно нынче ночью под тряпочкой. И ужин был пуст. А с плачущим чревом я всегда сплю неоднозначно! (Озноб.)

Но, так как будущее невидимо для некоторых людей, на которых не указывают пальцем в приличном обществе, хватит со мной церемониться! Да, человек разумный, делимся мы, не бей инвалида, с тобой на два вида: “человек читающий” и “человек считающий”. Да, хватит очковтирательства! Выше тебя – белый лист океанов безумия, ниже – сумасшествия жига и сажа. (Не пойми меня в лоб, как ты любишь.) Свет и мрак, перемешиваясь в голове, образуют серое вещество. Я видел зеркало лиц нормальных во сне! Я знаю, что есть у каждого сдвиг – эдакий ящичек выдвижной: только найди его, ткни – и ОНО вылезет. И будет диагнозом вашим наречено. И будет, как мне, не позволено всё! И всё можно притом. И всё простится, что ты пережил...¹

¹ А никто и не пёр из твоей тумбочки! Сам и ищи теперь свою прозу.

Читать поэзию нельзя! Её можно лишь перечитывать. Там, где между кроватями тьма ума и хочется есть; там, где пишутся диссертации, – там дешёвого выхода нет! (Говорю вам как пациент.)

Полюбуйтесь на чудо: упёрся в дверь, а где она? Так и вцепился глазами, так и ест, надулся, потемнел... Сейчас точно заговорит! Я его знаю: мой гордосошедший сосед, не пожелавший ехать в морг общественным транспортом; оштрафованный, ссаженный, заюшка с забинтованным ртом, мешавшим трястись по ухабам в борьбе за счастье завтрашнего дня. Да, раскаявшийся математик, это – как мухи на лобовом стекле – отклики в белых халатах. Зачем ты уставился? Писателей не видел с огоньком? (Завтрак не скоро.)

Внимание-внимание! Я, и.о. (пэрэсэтэ!) растущего рассвета.

БУДЬ СКАЗАНО – ВНЕМЛИИ. (Тебе бесполезно это.)

Бойся лампочек круглых! Нас не постичь им свысока. Послушай моряка, филолог, зарой свои буквы в матрас: к нам скачет на цыпочках беленький схемонос, я его в щёлку – меж век: два косяка пишем, дверь в уме; о тебе не говорю; а сыч коридорит исподтишка! замордованный автопортретами вдрызг, замурованный в жизненной безопасности, душещипательный кандидат в доктора и для каждого волеизлияния затычка. Не лезь из кожи наобум – он порвёт. Молчи! Таись: ОНО близится! отсекая очками тот свет... где читает нас кто-то доверчиво.

Вас предупреждал вечный гость, и.о. (пэрэсэтэ!) последнего ответа.

Я не шучу. Спасибо. Можно сесть.

Время, пошло ты!.. нервный тик-так. Ну и рожка у него стеклянная... психолог.

Так говорил грустно... Хотя никто не вставал, я прозу всю съел. На этот раз – опять понарошку. (Обошлось.) Мозг заглянул, зевнул; не увидел ничего главного; хлопнул меня по лбу, мигнул и убежал. Очень самодовольный очкарик. Ну его! и иже с ним нижепрописавшихся.

Тень на стекле!! Занавеска колыхнется!!! Бумага кончается...¹

Гляжу на себя и вижу: мой тихий друг, чьё душеброжение обозвано зло “горячей побелкой” (это я оригинальничаю). На личном деле – “бледной гордяхкой”, конечно.² Но надежда теплится: он остынет и почернеет, лишившись диагноза. Это же синтетический трипсих!³ А кругом – ни бычка. Самое здесь мучительное – это многолетние привычки и разорванные привязанности. Вот он, зыбучий ужас коллектива! Всё брошу! Что ещё остаётся? во второй натуре...

Как ни странно, завтра снова весна. Если стану жить, санитаров прощаю. Всех. Пусть помнят меня, обезьяны!.. Что делать? Выхода нет. А выходить нужно. Будем терпеть. (Умею и ценю.) Не лгу, клянусь языком! Имею адекватный вкус и приличную тягу в уме, который, как стихи, бывает только двух видов. Тема для взрывной статьи! Но я ленив писать. И вам не советую. Здесь и без вас пусто. (Истинного поэта не возьмёшь на мякине времени, слава!)

Претендуя на прожиточный минимум, я жив противоядием смеха.

Пунктик последний

текущее грядущее

Искусство – волшебное зеркало:

смотришь в книгу – видишь фигу.

Стеклодулин Я.Д.

¹ Волосы медленно опускаются.

² Как меня утомили твои выкрутасы!

³ Теперь понятно.

Вот те раз... Здравствуйте, Ваше Мыслеподобие! В каком Вы непредвзятом виде...¹

Бедный очкарик... Что там у вас? (Мания преследования белой горячки моего вдохновения.) Хм. Говоря нормальным языком, это дело шито теми же нитками. Я ль не намекал вам каждый божий день с утра: не лезь в душу с наукой своей несусветной, не ходи за сознательный круг без факела веры, не пиши диссертаций!

Я сыт костями ваших схем по горло! Что, застрял, браток? сидишь? и каково оно, в реалиях психиатрального сценизма?.. Плачет... Что ты, что ты... Смотри в оба: увидят!.. коллеги. А палата “минус один” – не лучший подарок к новому году.

Зато теперь спокойно можете писать под одеялом! Я даже подарю вам в долг огрызок карандашика... Да не за что! Отныне люди мы свои – сочтёмся на окурках.

Подумайте, вы теперь – настоящий писатель! Какое слово: пи-са-тель! Как звучит гордо: писать, рукопись! Как зву... Язык, за что?!

Что? Давно пописывали втайне? (Вот вам и психолог! Он тоже может быть толковым, когда забывает, что он умный.) Дадите почитать тихонечко? Хоть в счёт компота за обед и ужин, идёт?.. Спасибо. Ваш компот! Ну, да: два, два. (Зануда!) Искусство – память мира, а не доктринёрство!

А он мне и даёт шесть книг Анри-Рене-Альбера-Ги де Мопассана и томик Камю. (Всё ясно с ним!) А книги скоро отберут. Пока что Бытовик ему, как другу детства, разрешает их по благу, но Бытовик недолго будет плавать перед нами: он рыба быстрая, растёт не по годам в цене. Несчастный мой очкарик снова плачет у окна с решёткой... Заметят гады – заколют его.²

Пиши себе, коль жить невмоготу; но не надейся на успех среди немых. Когда по телевизору в один обычный день новости культуры станут первыми, а новости политики последними, только тогда что-то изменится.

Ну ладно. Оставим его наедине с творчеством. (Но если очень захотеть, то можно даже не дышать.) Пусть выбирает. Авось выберется. (Что-то я расчувствовался...)

Каждому свой страх и риск. (После обеда приготовил я побег.³) Не поминайте с завистью. Не спорьте с бывшими коллегами. Но смейте посмеяться над собою (это их парализует). Главное! не ешьте прописных транквилизаторов, если хотите умереть достойно. Счастья не желаю, но в тайную свободу верьте! Всё мгновенно, всё пройдёт... А что останется? Лишь пушкинская память.

*Ваш бывший ускользящий подопытный субъект
Воплеухов-Безумолков Д.А. (с личной надеждой!)*

***

*Перевёл его дух дословно на слух
и разложил по пунктикам аккуратным почерком
истец: Слава Сумалётов⁴*

1989 – 1999

ред.2005

¹ Врача приложили, у окна. А я как чувствовал, не правда ли?

² Здесь плакать нельзя!

³ Я, разумеется, подробности стёр.

⁴ Есть лишь Непонимание. Это правило. Всё остальное – Любовь. Вы не согласны?